

ДЖОН ШЕППАРД И АНАТОМИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ
В ПОЗДНЕЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ Д. ДЕФО

Беспрецедентный рост преступности в Англии XVIII века стимулировал дискуссию о причинах девиантного поведения и реформировании уголовно-исполнительной системы. Одним из ее участников стал Д. Дефо, выпустивший памфлет «Вторичные мысли – самые лучшие, или совершенствование последней схемы по предотвращению уличных разбоев» (1729). Выявляя причины не имеющего аналогов в исторической ретроспективе явления, Дефо акцентировал внимание на романтизации криминального образа жизни, но сам внес существенную лепту в эстетизацию преступления, создав две биографии знаменитого преступника XVIII в. Дж. Шеппарда. В статье проведен компаративный анализ «Истории замечательной жизни Джона Шеппарда» и «Повествования о всех преступлениях и побегех Джона Шеппарда» (1724), на основе которого показывается как события жизни реального персонажа трансформируются в миф, обретший самостоятельную жизнь в коллективном сознании.

Ключевые слова: Д. Дефо, Дж. Шеппард, XVIII век, Англия, преступление, криминальная биография

В 1729 г. под псевдонимом *Эндрю Моретон, эсквайр*¹ выходит памфлет «Вторичные мысли – самые лучшие, или совершенствование последней схемы по предотвращению уличных разбоев»², принадлежащий перу Даниэля Дефо. Дефо часто надевал маски, выражая точки зрения представителей различных классов и общественных групп, что позволило назвать его одним «из наиболее хамелеоноподобных английских авторов»³. Образ Моретона приобрел высокую популярность у читателей, и даже разоблаченный своими оппонентами уже в 1725 г., он впоследствии прибегал к нему, в т.ч. и для того, чтобы повисить продажи. Маска пожилого буржуа, ревнителя и апологета традиционных ценностей среднего класса, была очень символична, так как именно в начале 1720-х гг. жизнь писателя начала меняться. Почтенный джентльмен, обремененный многочисленным потомством (два взрослых сына и три дочери на выданье), он перешел шестидесятилетний рубеж и стремился укрепить реноме успешного профессионального автора, окончательно очистив имя и репутацию от ассоциаций с Граб-стрит. Дефо приобретает respectable особняк с четырьмя акрами садов в Сток-Ньюингтоне, в четырех милях к северу от Лондона, организует небольшой розничный бизнес. В августе 1722 г. он инвестирует 1000 фунтов стерлингов в аренду сельскохозяйственных угодий недалеко от Колчестера.

¹ Под псевдонимом Эндрю Моретон эсквайр, Даниэль Дефо работал в 1725–1729 гг., выпустив серию памфлетов «Everybody's Business, Is Nobody's Business» (1725), «The Protestant Monastery» (1726), «Parochial Tyranny» (1727), «Augusta Triumphans» (1728), в которых были предложены конкретные социально-экономические административные меры, направленные, в том числе, на улучшение качества жизни в Лондоне.

² Moreton 1841.

³ См.: Marshall 2007: 553–576.

Параллельно с финансовыми операциями Дефо активизирует писательскую деятельность. Он подписывает 4-летний контракт с группой издателей и начинает собирать материал для своего знаменитого трехтомного «Путешествия по всему острову Великобритании», которое будет опубликовано в 1724–1726 гг. Скорость с которой из-под его пера выходили произведения разных жанров, без преувеличения можно назвать фантастической. В 1722 г. увидели свет авантюрные романы «Радости и горести знаменитой Молль Флендерс», «История весьма замечательной жизни и необычайных приключений достопочтенного полковника Жака», сопровождавшиеся грандиозным коммерческим успехом, а также «Дневник чумного года». В 1724 г. он пишет свой последний психологический роман «Счастливая куртизанка или Роксана».

В последние годы жизни в творчестве Дефо отражаются не партийно-политические, а социально-психологические реалии: торговля и путешествия, преступность и коррупция, улучшение инфраструктуры Лондона как европейского мегаполиса, гендерные аспекты матримониальных отношений, а, главное, его более всего интересуют невидимые пружины человеческих поступков, внутренняя мотивация, приводящая в движение как отдельного индивида, так и людские массы. С 1720 г. он начал сотрудничество с «Еженедельным журналом» Джона Эпплби⁴, специализирующимся на освещении событий криминальной хроники⁵.

Существенным достоинством трактата Дефо была филигранная продуманность его структуры. Он не просто предлагает лекарство от социальной болезни, но проводит тщательную диагностику, выявляя ее глубинные причины, лежащие фактически во всех сферах: административной, экономическо-социальной, и, главное, нравственной. «Хороший врач ищет причину болезни и тщательно анализирует симптомы, прежде чем поставить диагноз и прописать лекарство; если мы посмотрим в корень зла, то увидим его в разложении нравов и морального облика низших классов»⁶, – рассуждает Дефо. Под маской благочестивого и богобоязненного Моретона, он сетует на то, что из-за популярности театра и непродуманного репертуара «негодяи становятся злее день ото дня, на порок смотрят сквозь пальцы, а общество благосклонно взирает на разбой, полагая его незначительным преступлением»⁷.

⁴ The Original Weekly Journal – еженедельное издание, специализирующееся на описании «признаний» преступников, т.е. предсмертных исповедей, и других материалов об их деяниях. Джон Эпплби имел доступ к официальным отчетам и сведениям о заключенных. О сотрудничестве Дефо и Эпплби см.: Furbank, Owens 1997: 198–204.

⁵ Интерес Дефо к теме преступления и наказания был давним. В 1703 г. за памфлет «Кратчайший путь расправиться с диссентерами», он сам был заключен в тюрьму где провел более полутора лет «Нужно полагать, что у него была отдельная камера, где он мог заниматься литературной работой... В течение своего полугодового заключения вместе с убийцами и разбойниками Дефо издал до сорока сочинений и памфлеты по разным общественным и политическим вопросам». – Каменский 2014.

⁶ Moreton 1841: 11.

⁷ Moreton 1841: 9.

Резкой критике Дефо подвергает «Оперу нищего» Дж. Гэя и балладную «Оперу квакеров» Т. Уолкера, по его убеждению, усугубившие преступный беспредел на улицах Лондона: «Джек⁸ Шеппард герой драмы, в сцене триумфального бунта, производит сильное впечатление на посредственные умы; его утонченные манеры, элегантная одежда, карманы, набитые деньгами, убивают стремление зарабатывать на жизнь честным трудом... и вот вам еще один свежеиспеченный негодай!»⁹.

Упоминание Эндрю Моретоном в критических оценках легендарного Шеппарда было не случайным. В течение 1720–1726 гг. Дефо был постоянным сотрудником «Еженедельного журнала», на страницах которого с августа по ноябрь 1724 г. были опубликованы шестнадцать статей о Шеппарде. «Хотя две из них были представлены в форме любовных писем, подписанных “племянницей Молль Флендерс Бетти Блускинс”, маловероятно, чтобы какая-либо из этих статей, выдержанных в шутовском тоне, принадлежала перу Дефо, и естественно, он не мог проигнорировать назревающую ньюгейтскую драму»¹⁰.

В разгар истерии, связанной с побегами Шеппарда из Ньюгейта, предприимчивый Эпплби заказал две биографии своему лучшему автору. В октябре и ноябре 1724 г. были напечатаны (анонимно!) два коротких очерка о жизни Джона Шеппарда: первый – «История замечательной жизни Джона Шеппарда» второй – «Повествование о всех преступлениях и побегах Джека Шеппарда, изложенное им самим во время пребывания в камере после того, как он был схвачен на Друри-Дэйн», которые и станут предметом нашего анализа.

«Природа исторического события такова, что рассказ о нем не может быть исчерпывающим и прозрачным. Это можно сказать как о рассказе свидетеля, так и о сочинении историка. И в том, и в другом случае есть место для отбора данных, упрощения сложных связей, акцентирования одних аспектов происходящего и исключения/забвения других»¹¹. Дефо, как очевидец описываемых событий, к тому же необычайно энергичный, ловкий и опытный публицист, знал, как одновременно угодить читательской аудитории и ненавязчиво позволить ей извлечь из предлагаемого нарратива некий нравственный урок. Биография Шеппарда презентуется как «чуждая басен и вымыслов и потому «состоящая из невероятных, но бесспорных событий, свершившихся на порогах Ваших жилищ»¹². Для усиления эффекта достоверности указаны источники информации: это материалы судебных дел, свидетельства потерпевших, служителей Ньюгейта, ньюгейтского капеллана преподобного Вагстаффа, ну, и конечно, исповедь самого Шеппарда.

⁸ «Джек» – производное от «Джон». В трактате Д. Дефо именуется Шеппарда «Джек», хотя в его биографиях за авторством Дефо, анализ которых представлен ниже, данная персоналия фигурирует исключительно как Джон Шеппард. Defoe 1724; 1725.

⁹ Moreton 1841: 10.

¹⁰ Introduction // Defoe on Sheppard and Wild... 2004.

¹¹ Чеканцева 2018: 209.

¹² [Defoe D.] The history of the remarkable life of John Sheppard. L., 1724.

Остается открытым вопрос, какова степень авторства самого Дефо, так как «История Джона Шеппарда» в плане структуры и стилистики во многом соответствует не перу зрелого мастера художественной прозы, а скорее незамысловатым ньюгейтским биографиям. В нем хаотично перемешаны сенсационные факты о преступлениях Шеппарда и его «коллег» по ремеслу, детальные описания его побегов, благочестивые воззвания, саркастические диалоги, исключительно вульгарные жаргонизмы и напоминающие бухгалтерскую отчетность сведения об украденных Шеппардом вещах. Разнородный характер «Истории» очевиден. Она явно носит отпечаток коллективного творчества тайбернских журналистов Дж. Эпплби, как композиция из текстов, подвергнутых спешной и зачастую небрежной редакторской обработке. Напротив, «Повествование о всех преступлениях и побегех Джона Шеппарда», обезоруживающе откровенное, иногда ироничное, но всегда правдоподобное, выдержано в традициях творческой манеры и стиля Дефо. Именно компаративный анализ обоих произведений позволяет не просто реконструировать образ Шеппарда, а показать эволюцию и специфику преступной психологии в контексте современных социальных реалий.

Итак, самый знаменитый английский преступник, «юный по годам, но старик по грехам», родился в 1702 г. в приходе Степни и должен был продолжить славную династию плотников. Его отец скончался, когда Джон был еще очень мал, и мать, будучи не в состоянии содержать троих детей, отдала его в работный дом на Бишопсгейте. Через полтора года его взял к себе для обучения азам плотницкого ремесла некий мистер Вуд. В его доме на Друри Лэйн Джон провел семь лет, зарекомендовав себя прилежным, послушным и здравомыслящим юношей. «Но, увы! За год до истечения семилетнего срока в качестве подмастерья состоялось его роковое знакомство с Элизабет Лайон, именуемой еще Эджворт Бесс из Миддлсекса, очаровавшей юного плотника и приобщившей его к распутству, в котором они оба погрязли, сожительствуя подобно мужу и жене»¹³. Это была отправная точка нравственной деградации Джона, для которого честный труд отныне превращается в ненавистное ярмо. Он начинает достаточно жестко конфликтовать со своим хозяевами и даже избивает миссис Вуд, «добрую женщину, пытавшуюся вразумить его и отговорить от общения с этой распущенной «львицей»¹⁴. Уже в это время Джон обнаружил «магическую» способность виртуозно выбираться из запертых помещений, впервые использовав ее, когда помог своей возлюбленной сбежать из тюрьмы в Сент-Джайлс-Раунд-хаус, куда ее поместили за кражу золотого кольца. В июле 1723 г. вместе с хозяином они производили ремонтные работы у мистера Бэйнза, из лавки которого он украл рулон фланели длиной в двадцать четыре ярда, а пробравшись в его дом ночью, поживился еще семью фунтами и товарами на сумму четырнадцать фунтов. «Мы полагаем, что это было первое со-

¹³ The history of the remarkable life of John Sheppard: 2.

¹⁴ Англ. She-lion – игра слов. Ibid: 3.

вершенное им преступление, – рассуждает автор, – после чего из-под мудрой отеческой опеки он оказался в компании самых развращенных лондонских негодяев – Джозефа Блейка по прозвищу *Blueskin*¹⁵, Уильяма Филда и Джеймса Сайкса, прозванного *Hell and Fury*¹⁶.

Из текста, переполненного подробностями касательно украденного имущества, оставалось абсолютно непонятным, в чем же заключалась причина стремительной трансформации благоразумного подающего надежды юношу в отпетого негодяя. Ответ на этот вопрос дается в «Повествовании о всех преступлениях и побегах Джека Шеппарда». С самого начала рассказчик постоянно «исправляет» первую биографию, разбавляя сухие факты эмоциональным компонентом, поэтому достигается чувство близости и конфиденциальности с читателем. Шеппард добавляет убедительные новые подробности о своем детстве, отношениях с матерью и братом Томасом и бурном романе с Элизабет Лайон.

Этот интерес к детству и воспитанию субъекта, как фундаменту для формирования характера – явный признак рассматриваемой биографии. Шеппард повествует о своих неоднозначных взаимоотношениях с четой Вудов, из чего мы можем заключить, что его дурные склонности проявились гораздо раньше, чем он «официально» нарушил закон: «Мы провели под одной крышей шесть лет в частых ссорах и склоках. И хотя я не могу утверждать, что я был лучшим из слуг, но признаю, если бы мне давали меньше свободы, я бы не свернул на дурную дорожку. Мои хозяева строго соблюдали Субботу, но ни для кого не было секретом, что я осквернял День Господень как мне заблагорассудится»¹⁷. Так, мы узнаем, что первая кража Шеппарда осталась безнаказанной. «В «Истории моей жизни» утверждается, что моим первым преступлением было ограбление мистера Бэйнса. К своему стыду я вынужден признаться, что это произошло раньше, когда я украл две серебряные ложки в таверне на Чаринг Кросс, за что я прошу прощения у Господа и у тех, кто понес несправедливую кару за мое нечестивое деяние»¹⁸.

Из «Повествования» читатель узнает, что первый арест Шеппарда был не за кражу, а за то, что он нарушил свои обязанности ученика-плотника. Ночь, проведенная в тюрьме святого Климента, была единственным зафиксированным, а потому уникальным, эпизодом из жизни нашего героя, когда он не пытался совершить побег. Но в 18 лет он становится полностью неуправляемым. «Затем я стал грабить почти всех, кто стоял у меня на пути», – признается он¹⁹, и остается только гадать,

¹⁵ *Blueskin* – прозвище, рус. «синюшный». В жаргонном употреблении означало также «пресвитерианин». Джозеф Блейк мог быть обязан своим прозвищем «синей погибели», как называли джин, или татуировкам, обильно покрывавшим его кожу.

¹⁶ Англ. *Hell and Fury* – Ад и Ярость.

¹⁷ A narrative of all the Robberies, escapes &c. of John Sheppard... written by himself during his Confinement in the Middle-Stone Room, after his being retaken in Drury Lane // Defoe on Sheppard and Wild...: 71.

¹⁸ *Ibid*: 72.

¹⁹ *Ibidem*.

что превалирует в этом утверждении – позерство или сожаление о содеянном. «Грабить и убежать» – такому алгоритму отныне подчиняется жизнь Шеппарда. Как правило, он никогда не действовал в одиночку, ему ассистировали «коллеги» по преступному ремеслу. Так, 12 июля 1724 г. он в компании Дзозефа Блейка и Уильяма Филда пробрался в магазин мистера Книбона, где «за три часа негодяи набрали на сумму пятьдесят фунтов следующее: восемнадцать ярдов сукна, парик, брововую шапку, две серебряные ложки, носовой платок и перочинный нож»²⁰.

Джон не чурался и карманных краж, и ограблений на большой дороге. Спустя неделю Шеппард и вышеупомянутый Блускин совершили нападение на экипаж, облепив кошелек путешествующей в ней леди на полкроны, а 20 июля остановили карету мистера Партиджера, оглушили пьяного джентльмена ударом рукояти пистолета и забрали его кольца и три шиллинга. В «Повествовании» содержится расширенная версия этих эпизодов, где Шеппард дает нелестную характеристику своим «партнерам». Уильям Филд – «самый отпетый мерзавец, из тех, кто осквернял своим дыханием воздух Англии»²¹. Чуть менее «лестно» он отзывался о Джозефе Блейке (Блускине): «В противоправных деяниях он преуспел куда более меня, на его совести бесчисленное количество преступлений, за которые были приговорены к смертной казни четыре его подельника. ... Несмотря на то, что он отличался крепким телосложением и был способен на любое злодеяние вплоть до убийства, нрав его был куда менее решительным. ... Прошлым летом мы наняли двух лошадей в таверне на Пикадилли и отправились в Энфилд-Чейз»²². Мимо нас проезжал экипаж с четырьмя юными леди, на руках которых поблескивали золотые часы. Я приказал немедленно атаковать их, но в этот момент мужество покинуло Блускина, он заявил, что прежде должен освежить лошадь, но пока он провозился, кареты и след простыл, как, впрочем, испарилась надежда поживиться богатой добычей. Говоря вкратце, Джозеф Блейк был никчемным компаньоном, горе-вором, и, если бы он не попытался перерезать горло Джонатану Уайлду, о нем бы никто и не вспомнил»²³.

По нашему мнению, в биографиях ярко отразилась картина духовного мира и ценностных ориентаций преступников. «Идеология разбойников – праздная жизнь, большие деньги... Члены группы не способны чувствовать нравственных обязательств даже друг перед другом. Каждый готов при опасности броситься сторону, а при виде наживы – вцепиться соучастнику в глотку»²⁴. Очевидно, что векторы, задающие направление поведению закоренелых преступников, совершенно отличны от мотивации обывателей. При этом деформация нравственных барьеров вплоть до абсолютной деградации автоматически не означает пол-

²⁰ The history of the remarkable life of John Sheppard...: 13.

²¹ A narrative of all the Robberies...: 75.

²² Англ. Enfield Chase – район на севере Лондона.

²³ A narrative of all the Robberies...: 77–78.

²⁴ Клименко 2001: 32.

ное отсутствие нравственности. «Выражение “духовно нищий человек”, которым часто нарекаются преступники, совсем не есть констатация отсутствия у них нравственности, а есть лишь негативная оценка ее содержания с позиции принятых в обществе морально-этических категорий. В этом отношении есть основание рассматривать преступную нравственность как форму асоциальной групповой морали»²⁵. В эту асоциальную групповую мораль, как очень жёсткую систему ценностных координат преступного мира, вписываются яркие эпизоды из обеих биографий. В «Истории», например, повествуется о том, как приятель Шеппарда Сайкс, по совместительству агент и помощник Джонатана Уайлда, пригласил его в трактир, чтобы поиграть в кегли, и сдал констеблю Прайсу, доставившему того в тюрьму Св. Джайлса, откуда тот не преминул сбежать в первую же ночь, связав одеяло с простыней и спустившись по ним со второго этажа. Пребывая в Ньюгейте, Джон жаловался на практику взаимных обвинений и сдачи подельников в обмен на смягчение приговора. «Иногда он был серьезен, размышляя о своей порочной жизни и нечестивых деяниях... часто сетовал на разложение воровского братства, заявляя, что если бы все были такими “твердыми петушками”²⁶ как он, то репутация английских воров поднялась бы на такую недостижимую высоту, что отпала бы необходимость в тюремщиках и палачах»²⁷. В «Повествовании...» Джек высказывается настолько сардонически-рационально, что за его голосом явно звучит голос самого Дефо: «Я всегда осуждал “вороловов” и тех, кто дает объявления о вознаграждении за возвращение украденных вещей в нарушение двух парламентских актов; вышеупомянутые вороловы ведут роскошную жизнь, открыто содержат конторы по оказанию подобного рода услуг, и они заслуживают виселицы куда более тех, кого они посылают раз в месяц в тайбернскую петлю как своих представителей»²⁸. В каком-то смысле Джек был уникальной фигурой, не вписывающейся в картину лондонского криминального мира: у него был некий “кодекс чести”, от которого он не отступал ни при каких обстоятельствах. В отличие от Филда, Блейка и Сайкса он никогда не играл в популярную игру “обвини или отправляйся на виселицу”, отказывался сотрудничать с Уайлдом и делиться с ним процентом от добычи, никогда не прибегал к его посредничеству, которое тот мог оказать, благодаря своим связям в Олд-бейли.

Значительный пласт биографии составляет коллекция искромётных острот Шеппарда, хотя трудно определить, где заканчивалось чувство юмора тайбернского висельника, а начинался сарказм великого романиста. «Шутки Шеппарда и его неудержимое остроумие среди ужаса и грязи Ньюгейта великолепно раскрывают его стоический характер и естественную бравату. Этот растущий интерес к личности преступника

²⁵ Тазин 2015: 94.

²⁶ Англ. Cock – жаргонизм, обозначающий мужской половой орган.

²⁷ The history of the remarkable life of John Sheppard...: 34.

²⁸ A narrative of all the Robberies...: 79.

является новым для жанра криминальной биографии. Опять же, в них можно обнаружить явно сочувственный интерес автора “Молль Флендерс”»²⁹. «А теперь следует обратиться к поведению мистера Шеппарда в дни, предшествовавшие его последнему побегу... Молодая женщина, стиравшая его белье, как-то пришла с заплывшими от синяков глазами, и Шеппард спросил ее, как долго она замужем. – Откуда Вы узнали это, сэр? – Не отрицай очевидное, Сара, брачное свидетельство у тебя на лице»³⁰. И, наконец, самое знаменитое восклицание, облетевшее весь Лондон: «Один напильник стоит всех Библий мира!». Сам ли Шеппард произнес эти фразы в том виде, в каком они цитируются в «Истории», или Дефо отполировал афоризмы Шеппарда, придав им емкость и лаконичность? Последняя реплика презентуется как часть гневной конфронтации с преподобным Вагстаффом: «Когда его посетил в замке преподобный мистер Вагстафф, он уговаривал его перед лицом смерти облегчить душу и назвать имена тех, кто способствовал его предыдущему побегу и снабдил инструментами, Шеппард же со стремительным и страстным движением парировал: «Не задавай мне таких вопросов; один напильник стоит всех Библий в мире!»³¹ Чтобы поймать этот момент, явно требовался проницательный наблюдатель – писатель или биограф.

Автобиография показывает, что фантастическая способность Шеппарда выбираться из запертых помещений вовсе не была загадкой. Она явилась прямым следствием его выдающихся наследственных навыков плотника и строителя, усвоенных во время шестилетнего обучения. Его огромная физическая сила вместе с гибким телом гимнаста сочетались со знанием состава строительных материалов и инстинктивным пониманием конструкции (и деконструкции) любого вида замка, стены, окна, бруса, шипа, дымохода, пола, потолка, крыши или погреба. Однажды он дерзко похвалил хранителя Ньюгейта за высокое качество железных изделий тюрьмы, только что «обработав» один из его самых грозных шипов. В «Истории» два побега Шеппарда из Ньюгейта презентуются в таком ключе, чтобы раздуть их до размера сенсации и ошеломить читательскую аудиторию. Тут следует обратить внимание на два важных момента. Во-первых, это неоднократное утверждение о сверхъестественной природе способностей Шеппарда, причем для усиления эффекта используется эмоционально и экспрессивно окрашенная лексика. «Когда хранители обнаружили камеру пустой с кучей мусора на полу, они впали в состояние оцепенения от ужаса, охватившего их... Многие способы, с помощью которых он совершил этот чудесный (*miraculous*) побег, так и остались тайной (*secret*) для всех... За несколько часов в крошечной тьме проделал удивительные вещи (*wonders*), с которыми несколько умельцев не справились бы при свете дня за целые сутки! ...Его кандалы нигде не нашли... удивительно (*astounding*), как он про-

²⁹ Introduction // Defoe on Sheppard and Wild...: 17.

³⁰ The history of the remarkable life of John Sheppard...: 48.

³¹ Ibid: 50.

лез в них через дымовую трубу. Единственный ответ, который приходил в голову обитателям Ньюгейта, что той ночью явился дьявол собственной персоной и помог ему»³². Во-вторых, в обоих случаях автор выступает как апологет ньюгейтской администрации, на которую общественное мнение возложило ответственность за то, что такой опасный негодяй ускользнул от правосудия. Когда Шеппард сбежал во второй раз, «опротечивая и невежественная молва» опять обвинила тюремщиков в попустительстве и мздоимстве. «Но добрый нрав достойнейшего мистера Питта и его помощников сам по себе служит опровержением этих грязных домыслов, – негодует автор. – Да, им и раньше приходилось иметь дело с негодьями с душой черней ночи. Они честно выполняли свои обязанности, но они всего лишь люди, а им пришлось иметь дело с *существом*, превосходящим обычного человека, сверхъестественным Протеем³³, деяния которого говорят сами за себя»³⁴.

Ярким моментом автобиографии является необычайно напряженное и показательное повествование о последнем побеге Шеппарда из Ньюгейта. С удивительной изобретательностью он сбежал вверх: «начала через дымовую трубу, затем через шесть наглухо запертых дверей, затем через тюремную часовню и, наконец, через крыши Ньюгейта». Оказавшись на свободе, он «арендовал» за 20 шиллингов пробойник и молоток, освободился от кандалов, замаскировался под нищего и отправился в свое последнее «турне» по Лондону. Здесь повествование приобретает сюрреалистический оттенок, как в картине Рене Магритта «Репродуцирование запрещено»³⁵: «главный герой бродит по Лондону, слушающая истории и баллады о своих собственных подвигах, расширяя и трансформируя чувство идентичности»³⁶. «В ту ночь я пришел в подвал на Чаринг-Кросс, полакомился жареной телятиной и т.д., услышал, как дюжина людей говорила только о Шеппарде, и больше ни о ком другом, не подозревая, что я среди них. На следующий день я отправился в таверну недалеко от Пикадилли, где имел долгую беседу о Шеппарде с молодой женщиной. Я уверял ее, что он не сможет покинуть королевство, так как не пройдет и нескольких дней, как его схватят. Она же в свою очередь пожелала, чтобы проклятие обрушилось на любого, кто предаст его. Я оставался там до вечера, а затем отправился на Хеймаркет, где смешался с толпой, которая внимала двум певцам, исполняющим баллады о Шеппарде». Наш герой предался чревоугодию и плот-

³² The history of the remarkable life of John Sheppard...: 45–46.

³³ Сравнение Шеппарда с Протеем показательно. Морское божество, сын Посейдона, Протей обладал способностью принимать облик различных существ. Как объект аллегорических толкований он ассоциировался с легкомыслием, переменчивостью.

³⁴ The history of the remarkable life of John Sheppard: 47.

³⁵ Другое название картины «Портрет Эдварда Джеймса». Герой картины смотрит на себя в зеркало, но вопреки закону отражения (симметрии относительно плоскости) вместо лица видит свой затылок, в то время как каминная полка и лежащая на ней книга отражаются правильно.

³⁶ Introduction // Defoe on Sheppard and Wild...: 22.

ским утехам, что, впрочем, описано в высшей степени целомудренно, оставляя читателю простор для фантазии: «Я арендовал мансарду в бедном доме на Ньюпорт Маркет, и послал за рассудительной молодой леди, которая на протяжении долгого времени была истинной хозяйкой моего сердца и скрашивала мои дни. Она явилась и выказала мне всю поддержку, на которую была способна». Молодая особа передала послание матери Шеппарда, которая со слезами на глазах умоляла неупутевого сына уехать из Англии и тем самым спасти свою жизнь. «Я искренне обещал последовать ее совету, – вспоминает Шеппард, тут же цинично добавляя, что в его намерения это никоим образом не входило»³⁷.

Отношения Шеппарда с близкими людьми, безусловно, добавляют существенные штрихи к его психологическому портрету. Для личности преступника характерна разная степень нравственной нечувствительности, которая может дифференцироваться от нравственной хаотичности до нравственной деградации. В случае Шеппарда сфера родственных и половых отношений явно выпала из зоны нравственной регуляции. Едва ли он испытывал нежные чувства к своей «бедной» матери, хотя последнее, что он сделал, пребывая на свободе – купил для нее три четверти пинты лучшего бренди, в этом поступке больше позерства, чем сыновней заботы. Что же касается его отношений с противоположным полом, то обе биографии сохранили только одно имя – Элизабет Лайон. Их связь длилась на протяжении нескольких лет и была наполнена драматическими событиями, которые могли бы быть положены в основу сюжетной линии любовно-авантюрного романа. Она была его первой женщиной, несколько раз он спал с ней из тюрьмы, она также помогала ему уходить от правосудия. Ее имя настолько прочно ассоциировалось с Шеппардом, что после его первого побега помощники Уайлда выследили и схватили Элизабет в магазине бренди, после чего подвергли жесткому допросу. Элизабет отказалась выдать его, но Джон по неизвестным причинам полагал обратное. Он признался преподобному Вагстаффу, что «Эджворт Бесс, которую до этого полагали его женой, не является таковой. Это было низко с его стороны, так как к особе, приложившей столько усилий для организации побега, было бы проявлено более снисхождения, будь она его законной супругой. Он обвинил ее во всех своих несчастьях: дескать, она рассказала Джонатану Уайлду о его местонахождении, не выполняла его указания... в общем оплатила черной неблагодарностью за то, что он спас ее из новой тюрьмы»³⁸. В «Повествовании» Джон более откровенен, вернее откровенно груб: «В Англии не было более разращенной, лживой и похотливой твари. Она отравила мою жизнь, но я надеюсь, что Господь простит ее, как простил ее я»³⁹.

Кульминацией автобиографии является описание последней, невероятной по дерзости эскапады Шеппарда. Ограбив двух братьев-ростов-

³⁷ A narrative of all the Robberies...: 85–86.

³⁸ The history of the remarkable life of John Sheppard Ibid: 32.

³⁹ A narrative of all the Robberies...: 78.

щиков, он приобрел роскошный наряд, облачился в него и в воскресенье 31 октября 1724 г. в компании двух красоток проехал в наемной карете под аркой Ньюгейта, после чего отправился по окрестным пабам. Естественно, его узнали, а так как, по собственному признанию, он был одурманен алкоголем и не мог оказать сопротивления, то счел прижатые к виску два пистолета более чем убедительным аргументом и сдался.

В ноябре 1724 г. Шеппарда доставили в Суд королевской скамьи, где собралось рекордное количество людей. «Судье он заявил, что никогда не имел возможность заработать на кусок хлеба честным путем. Он отказался назвать имена тех, кто ему помогал. Его обвинили в богохульстве. Ему предложили показать свое искусство, сняв наручники, что он и продемонстрировал. Шеппард стал героем, его образ использовали в политической сатире, им восхищались за стойкость характера и неукротимый нрав»⁴⁰. Питер Акройд писал: «Несмотря на свою широкую популярность, фигура Шеппарда во многом остается для нас загадочной. Можно предположить, что одержимость идеей побега развилась у него в детстве, когда он жил в работном доме на Бишопсгейте, а свою поразительную сноровку этот легендарный вор приобрел, работая у плотника в учениках... Он был жестоким и бессовестным человеком, но серия его побегов из Ньюгейта преобразовала всю атмосферу города, большинство жителей которого восторгалось его отвагой»⁴¹.

Поведенческой стратегии Шеппарда был свойствен ярко выраженный *эскапизм*⁴². Его жизнь изобиловала эскапистскими актами, с помощью которых он декларативно утверждал абсолютную свободу от административно-юридических, этических и религиозно-нравственных норм. Вырваться из стен символизирующего репрессивную функцию официальной власти Ньюгейта означало освободиться от всех уз обычного мира. Его проезд под ньюгейтской аркой был блестящей драматургической находкой. Благодаря ей Шеппард стал частью лондонской мифологии, а его свершения вошли в стихи, балладах и пьесах. Это был апогей его карьеры, его короткое торжество над обыденностью, после которого ему оставалось только совершить, по выражению П. Лайнбо «окончательный побег» из физического бытия, оставив свой бенефис театральными эффектами и получив безоговорочную поддержку аудитории, следствием чего явилась последующая беспрецедентная героизация его образа.

Вопрос, насколько способствовали героизации образа Шеппарда биографии Дефо и чем он руководствовался, генерируя криминальные нарративы, остается открытым. «Не будем пытаться оправдать или осудить великого романиста. Очевидно, что и здесь в нём говорил трезвый и расчётливый ум человека Просвещения»⁴³. Одной из черт мышления

⁴⁰ Linebough 2006: 38.

⁴¹ Акройд 2005.

⁴² Термин «эскапизм» как «бегство от реальности в вымышленные литературные миры, был впервые введен в научный оборот Дж. Толкином в 1939 г.

⁴³ Смолицкая 2001.

просветительской эпохи была «нивелировка, в результате которой лишенный предрассудков человек увидит, что все, что восхваляют в качестве бескорыстия, великодушия и самопожертвования, только называется разными именами, но по сути дела не отличается от совершенно элементарных основных инстинктов человеческой природы, от “низших” вожелений и страстей»⁴⁴. Хладнокровие, с которым Дефо изображает относительность пороков и добродетелей, проистекает не из бедности его психологических ресурсов и отсутствия «страстного элемента». Как указал Лесли Стивен: «Дефо описывал своих негодяев удивительно спокойно, как деловой человек, отмечая, что каждый из них очень похож на добродетельное лицо, с той разницей, что поставил не ту карту»⁴⁵. Позиция невмешательства, которую занимает Дефо, описывая только то, что лежит на поверхности, дает возможность создать эффект объективной картины реальности с проникновением в «душу» вещей. Детальность и скрупулезность в последовательной констатации фактов приближает хладнокровный стиль Дефо к кинематографической фиксации, что, по мнению исследователей, характерно для постмодернистской поэтики. Жак Деррида утверждал, что в любом тексте скрыты два текста. «Чтение не только созданного в прошлые эпохи, но и современного художественного произведения – это всегда некий поиск, работа по разгадыванию загадок. ...обнаружение (часто неожиданное) других прочтенных текстов, до тех пор незаметных, спорящих друг с другом и с “очевидным смыслом”, выявляя неразрешимости и противоречия, “размывает” замысел автора... и обогащает произведение новыми пониманиями»⁴⁶.

Две биографии Шеппарда причудливо преломляют реальность, делают ее пластичной, высвобождают множество по-разному окрашенных и неочевидных с первого взгляда смыслов, из которых читателю предлагается выбрать наиболее привлекательный для него. При чтении биографий Шеппарда, складывается впечатление, что смысл, подразумеваемый автором, очевиден и лежит на поверхности, но это обманчивое впечатление рассеивается при более пристальном компаративном анализе текстов. Жизнь Шеппарда презентуется с разных повествовательных точек зрения: от авторского изложения до видения глазами непосредственно главного персонажа. Дефо как будто играет с читателем: постоянно вводит новые детали, изменяет фокус зрения, переставляет акценты, преобразуя ранее изложенные факты и направляя сюжетные линии в иные, неожиданные направления. Личность самого Шеппарда на протяжении повествования словно размывается, он предстает в совершенно разных амплуа, меняя маски с фантастической скоростью. Тщеславен ли он или благороден? Нежный или психопатически жестокий? Верный или жестоко вероломный? Дефо заставляет нас постоянно придерживаться его слов, чтобы интерпретировать характер и судить о действиях.

⁴⁴ Кассирер 2004: 38.

⁴⁵ Stephen 1899: 14–15.

⁴⁶ Вдовина 2012: 13.

Это совершенно другой порядок повествования, отличающийся от традиционных ньюгейтских историй и показывающий стремление к новой, более реалистичной биографии, с одной стороны, и явные элементы постмодернистского текста, с другой⁴⁷. В биографиях постоянно меняется манера речи, стиль поведения, профессиональная и даже гендерная принадлежность (многочисленные переодевания и побег в ночной сорочке). Очень показательны, что в викторианскую эпоху в постановках пьес о Шеппарде главную роль исполняла актриса (!) в вызывающе узких шелковых штанах, украшенных декоративными оковами и цепями. А с учетом анонимного авторства и гениальной способности Дефо полностью идентифицировать себя со своими персонажами, грань между истиной и художественным вымыслом становится фактически неуловимой. Естественно, следует учитывать немаловажное обстоятельство, что если Дефо что-то и «выдумывал», то только то, что соотносилось с миром его современников, потенциальных читателей. Но прозорливость Дефо проявилась в том, что в рассматриваемых биографиях отображены тектонические сдвиги в общественной психологии, которые породили Джона Шеппарда как уникальное явление. Как лакмусовая бумага он показал зачаточные на тот момент признаки зарождения «человека массы», с одной стороны, и идеологии потребления, с другой.

«Человек массы» живет, заключенный в кокон своих убеждений, что делает его довольно инертным в личном пространстве, но соединяясь с подобными себе, он легче переносит разрушение привычного жизненного уклада и получает возможность хотя бы ненадолго вырваться из привычной реальности. Джон Шеппард стал тем самым *acteur*, который, противостоя окружающей его среде и групповым стереотипам, объединил лондонских обывателей в единое целое. Чужеродный феномен, он настолько «выламывался» из системы, его поступки были настолько незапрограммированными, что вырывали массы из реалий обыденной жизни и привычных социальных связей и создавали эффект сопричастности к его эскападам при собственном бездействии.

Рассуждения Дефо о катастрофическом падении нравов в анализируемом корпусе произведений отнюдь не являются банальным морализаторством. Его проницательность проявилась, главным образом, в том, что он, усматривая корни преступности в сфере нравственно-этических норм, связывал их трансформацию с влиянием набиравшего обороты капитализма, стремительно менявшего структуру общества, и с новым стилем мышления и поведения.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Акройд П. Лондон. Биография [Akrojd P. London. Biografiya]. URL: <https://e-libra.ru/read/325295-london-biografiya.html>
- Вдовина А.В. Жак Деррида о двойственности философских текстов и этике деконструкции // Дискуссия. 2012. №1 (19). С.12-14. [Vdovina A.V. ZHak Derrida o dvoystvennosti filosofskih tekstov i etike dekonstrukcii // Diskussiya. 2012. №1 (19). С.12-14.]

⁴⁷ См.: Лучинская 2012.

- Каменский А.В. Даниэль Дефо. Его жизнь и литературная деятельность: биографический очерк. М., 2014. 77 с. [Kamenskij A.V. Daniel' Defoe. Ego zhizn' i literaturnaya deyatelnost': biograficheskij ocherk. M., 2014. 77 s. URL: <https://www.litres.ru/andrey-kamenskij/daniel-defoe-ego-zhizn-i-literaturnaya-deyatelnost/chitat-onlayn/>]
- Кассирер Э. Философия Просвещения. М., 2004. [Kassirer E. Filosofiya Prosveshcheniya. M., 2004].
- Лучинская Е.Н. Актуализация личности автора в постмодернистском дискурсе // Вестник ВГУ. Серия Филология. Журналистика. 2012. №2. С. 66-68. [Luchinskaya E.N. Aktualizaciya lichnosti avtora v postmodernistkom diskurse // Vestnik VGU. Seriya Filologiya. Zhurnalistika. 2012. №2. С. 66-68.].
- Тазин И.И. Роль нравственности в индивидуальном механизме преступного поведения // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2015. №5 (158). С. 92-95 [Tazin I.I. Rol' npravstvennosti v individual'nom mekhanizme prestupnogo povedeniya // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2015. №5 (158). С. 92-95].
- Смолицкая О. О «Робинзоне Крузо» и его авторе [Smolickaya O. O «Robinzone Kruzo» i ego avtore // Literatura. 2001. URL: <http://lit.lsep.ru/article.php?ID=200102511>]
- Чеканцева З.А. Французская революция XVIII века как событие будущего // Событие и время в европейской исторической культуре / под. ред. Л.П. Репиной. М.: Аквилон, 2018. С. 179-220. [Chekanceva Z.A. Francuzskaya revolyuciya XVIII veka kak sobytie budushchego // Sobytiye i vremya v evropejskoj istoricheskoj kul'ture / pod. red. L.P. Repinoj. M.: Akvilon, 2018. S. 179-220.].
- [Defoe D.] The history of the remarkable life of John Sheppard. L., 1724.
- Defoe on Sheppard and Wild: The history of the remarkable life of John Sheppard. A narrative of all the robberies, escapes etc. of John Sheppard. The True and Genuine Account of the Life and Actions of the Late Jonathan Wild by Daniel Defoe/ ed. with an introduction by R. Holmes. Harper perennial, 2004.
- Moreton A. [Defoe D.] Second Thoughts are Best: Or a Further Improvement of a Late Scheme to Prevent Street Robberies. Oxford, 1841.
- Stephen L. Hours in a library. Vol.1. L., 1899.
- Linebough P. The London hanged: crime and civil society in the 18th century. New York, 2006.
- Marshall A. Daniel Defoe as Satirist // Huntington Library Quarterly. 70/ 7. P. 553-576.
- Эрлихсон Ирина Мариковна, доктор исторических наук, профессор, кафедра всеобщей истории и международных отношений, Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина; i.erlihson@365.rsu.edu.ru*

John Sheppard and the anatomy of crime in D. Defoe's late journalism

In the 18th century, there was an unprecedented increase in crime in England. It stimulated an intellectual discussion about the causes of deviant behavior and the reform of penal system. One of its participants was Daniel Defoe, who published the pamphlet "Second Thoughts are Best: Or a Further Improvement of a Late Scheme to Prevent Street Robberies" (1729). Identifying the causes of the phenomenon, which has no analogues in the historical retrospective, Defoe focused on attempts to romanticize the criminal way of life. But the great novelist himself made a significant contribution to the aestheticization of the crime, creating two biographies of the most famous English criminal of the XVIII century J. Sheppard. We present a comparative analysis of "The history of the remarkable life of John Sheppard" and "A narrative of all the robberies, escapes etc. of John Sheppard" (1724), construct his biography and show how a real character's life events are being transformed into a myth that has gained an independent life in collective consciousness.

Keywords: D. Defoe, J. Sheppard, 18th century, England, crime, criminal biography.

Irina Erlihson, Dr. Sc. (History), Professor, Department of World History and International Relations, Ryazan State University named for S.A. Yesenin (Russia).